

Эта книга – настоящий подарок для всех фанатов серии FarCry. Она позволяет узнать предысторию тех событий, с которыми им предстоит встретиться непосредственно в игре.

Жанна Горанская,
руководитель платформы Рамблер/игры

FARCRY®

★ ★ ★ ★ ★ ПРОЩЕНИЕ

УРБАН УЭЙТ

FARCRY 5. ПРЕДЫСТОРИЯ

Урбан Уэйт

Far Cry. Прощение

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уэйт У.

Far Cry. Прощение / У. Уэйт — «Эксмо», 2018

Округ Хоуп, штат Монтана. Прибежище фанатиков культа Судного дня. Мэри Мэй Фэйргрейв, владелица местного бара, лишилась практически всего, что было ей дорого в жизни. Ее родители умерли при загадочных обстоятельствах, а брат исчез, привлеченный словами харизматичного лидера культа. Против умелого и опасного противника у Мэри Мэй практически нет шансов, но неожиданное вмешательство охотника Уильяма Бойда изменит все.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Уэйт У., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
I	10
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Урбан Уэйт Far Cry. Прощение

Far Cry Absolution
URBAN WAITE

© 2018 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Far Cry, Ubisoft, and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

* * *

Поклонникам, благодаря которым это стало реальностью

Пролог

*Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы.
Евангелие от Матфея 13: 39*

Шериф вошел и устроился в кресле. Он снял шляпу, закинул ноги на стол и наградил девушку тяжелым взглядом:

– К чему все это?

– Ты знаешь к чему, – откликнулась Мэри Мэй. – И мне интересно, что ты с этим будешь делать?

Шериф поковырял ногтем поля шляпы, подцепил невидимую соринку и отшвырнул прочь. Когда-то он был наездником на быке. Мэри Мэй помнила его с детства. Па и ма брали ее с братом на родео. Там она видела этого человека. Тогда он был поджарым и молодым. Она стояла прямо на досках ограждения и смотрела, как он выезжает из ворот. Все кричали, пока он лишь каким-то чудом держался на беснующемся быке и грязь летела во все стороны из-под копыт. В тот момент он казался бесстрашным, выглядел настоящим героем. Совсем не то, что сейчас.

В итоге оставив шляпу в покое, шериф выпрямился и взглянул ей прямо в глаза:

– Дьявол тебя подери, Мэри Мэй, ты же прекрасно знаешь, что я ничего не могу сделать. Знаешь, что это был всего лишь несчастный случай. А если и нет, то все равно черта с два в моей власти хоть что-то.

– Несчастный случай? Па отправился туда за Дрю. Он сорок лет крутил баранку. Что свой грузовик, что рабочий – ни разу и царапинки не было. И ты мне говоришь про несчастный случай?

– Я соболезную твоей потере, но ничего не поделаешь.

В глазах шерифа читалось искреннее сочувствие, и Мэри Мэй даже стало его жаль. Она знала, что он говорит правду.

– Думаешь, они и тебя так же подтолкнут? Так, что ты слетишь с обрыва?

– О чем это ты?

Но она лишь улыбнулась в ответ, обвела взглядом комнатушку, а затем уставилась на шляпу, так и лежащую на столе между ними. Девушке еще не было и тридцати, а она уже потеряла почти всех, кто был ей дорог. И ощущение было таким, будто все они ушли в одночасье. Ей остались лишь бар и ярость, постепенно зреющая в груди.

– Дрю все еще где-то там, – помолчав, проговорила она. – Я собираюсь забрать его. Или хотя бы рассказать, что па больше нет. Вот о чем я.

Оттолкнувшись ладонями от стола, она поднялась и нервно одернула край футболки поверх джинсов. На шее, под собранными в хвост русыми волосами чуть ниже плеч, неистово билась жилка, но у Мэри Мэй не было ни сил, ни желания успокаиваться.

Она почти дошла до двери, когда голос шерифа заставил ее остановиться:

– Я был там однажды. – Мэри Мэй сдвинула ладонью дверную ручку и посмотрела на него через отражение в стекле; нанесенные буквы не мешали видеть, что мужчина тоже поднялся на ноги. – Меня пригласили... Пригласили поприсутствовать на одной из служб.

Она медленно обернулась.

– Мне приходилось иметь дело с придурками, планирующими выжить после конца света или же сдохнуть во время него. – Шериф вышел из-за стола. – С семьями, живущими в холмах без воды или электричества. Только представь: бабка с внуками ютилась на койке, пока мать с папашей заделывали очередного выродка. С оружейными психами. Бункерами и закрытыми зонами. Вольнодумцами, анархистами, нигилистами, демократами и одному богу известно кем

еще. Но поверь на слово, я никогда не сталкивался ни с чем, подобным тому, что увидел во «Вратах Эдема». Та убежденность, та сила, которую они придают словам своего Отца, – это зараза, и она буквально заползает под кожу. Они веруют, понимаешь? Каждый из них. Не хотелось бы наговаривать или ставить под сомнение их убеждения, но, честно признаюсь, ничего более жуткого мне не встречалось. И ничего мне с этим не поделать, потому что, сама понимаешь, все совершенно законно.

– Долго репетировал? – только и спросила Мэри Мэй.

– Каждый вечер повторяю перед сном.

Девушка шагнула обратно к двери и открыла ее, бросив через плечо перед уходом:

– Там мой брат. И кроме него у меня никого не осталось.

Мэри Мэй была уже на полпути к горам, когда заметила белый церковный пикап в зеркале заднего вида. Следующие пять миль он неотступно двигался за ней. На каждом повороте, на каждом перекрестке она бросала взгляд на остающуюся позади дорогу, пустую до самого горизонта, и каждый раз машина преследователя вновь возникала в поле зрения. Можно было подумать, что ее красный «Форд» и белый пикап сцеплены невидимым тросом – настолько очевидным было преследование.

Еще милью спустя она съехала на обочину и заглушила мотор, а затем вытащила из бардачка старый хромированный отцовский револьвер и положила на приборную панель перед собой. Ей совсем некого было попросить о помощи... Во всем округе Хоуп не было ни одного человека, к которому можно было бы обратиться, так что она просто ждала, пока пикап вынырнет из-за ближайшего поворота.

Когда пикап затормозил рядом, Мэри Мэй узнала мужчину за рулем. Это был Иоанн Сид. Она знала его полжизни и почти все это время считала самым обычным человеком и не более того. Но оказалось, что он представлял опасность и для нее, и для любого, кто рискнул бы встать у него на пути. Вместе с братом он управлял «Вратами Эдема», а потому, если кто и знал, что произошло с ее отцом или как найти ее брата, так это Иоанн Сид.

Глядя в зеркало, она наблюдала, как мужчина открыл дверь и вышел из машины. Он был лет на десять старше нее, выше среднего роста, с темными волосами и густой каштановой бородой. Она поймала его взгляд, прежде чем он вновь склонился к машине и вытащил что-то. Мэри Мэй подумалось, что это мог быть пистолет, но уверенности не было; потом он спрятал предмет под рубашу и не спеша направился к «Форду». Когда он приблизился, девушка припустила боковое стекло.

– Боишься? – спросил Иоанн вместо приветствия.

– А стоит? – ответила она вопросом на вопрос, глядя ему прямо в глаза.

Он помолчал пару секунд, а потом вытащил руку из кармана и медленно провел пальцами по краю окна.

– У тебя есть лицензия на эту игрушку? – движением руки и легким кивком он указал на револьвер.

Мэри Мэй невольно проследила за его движением, а когда спохватилась, Иоанн уже отступил на шаг, как будто предполагая, что она может пустить оружие в ход. С легким удивлением она ответила:

– Это отцовский.

Он вновь помолчал, как будто прикидывая, что на это сказать.

– То, что с ним произошло, печально, – наконец проговорил он, и это прозвучало почти искренне.

– Он ехал сюда, чтобы забрать Дрю, когда это случилось.

– Вот, значит, как?

– Теперь я хочу увидеть брата и попросить его вернуться домой.

– Об этом мне тоже известно.

– Надо же.

– Конечно, – Иоанн медленно кивнул. – Мне многое рассказывают. Например, я слышал, что ты продолжаешь продавать алкоголь в своем баре, хотя мы просили тебя прекратить. И это лишь один из примеров.

Мэри Мэй посмотрела на собеседника как на идиота, хотя прекрасно знала, что он никак не глуп:

– А как мне держать бар без спиртного?

– Никак.

Это было сказано как нечто само собой разумеющееся, но Мэри Мэй прекрасно поняла, что кроется за этим словом. Впрочем, сейчас ее занимали более насущные вопросы:

– Вы знаете, где мой брат?

– Знаю. Он с нами.

– Он знает, что произошло с па?

– Знает.

– Вы отпустите его?

– Он волен уйти, когда пожелает. Я не тюремщик.

– Разве?

– Это все, что я могу тебе сказать.

Не глядя Мэри Мэй опустила руку, нащупала ключ зажигания и повернула его. Двигатель машины послушно заурчал. Девушка выпрямилась и устроила руки поверх руля. Блестящий револьвер по-прежнему лежал на приборной панели и едва слышно дребезжал от вибрации.

– Что ты собираешься делать?

– Забрать своего брата.

– Подумай, – медленно проговорил Иоанн. – Ты же умная девочка.

Это прозвучало так, будто он знал что-то, чего не знала она, и Мэри Мэй буквально возненавидела его в этот момент. Иоанн приблизился на шаг, и девушка подалась вперед, как будто уже была готова схватиться за револьвер.

– Не стоит усложнять. – Мужчина остановился. – Почему бы тебе не развернуться и не отправиться обратно в долину, пока не случилось непоправимое?

Вместо ответа Мэри Мэй нажала на газ, и машина послушно рванулась вперед по дороге. В зеркало заднего вида девушка увидела, как Иоанн вытащил то, что прежде прятал под рубашкой. Когда он поднял предмет к губам, девушка сообразила, что это рация. И вряд ли то, что он сейчас говорил, сулило что-то хорошее.

Добрая миля осталась позади, прежде чем Мэри Мэй переложила револьвер с панели на сиденье рядом с собой и прижала бедром, чтобы не свалился на очередном повороте. Дорога петляла и поднималась все выше в горы, и девушка постоянно всматривалась в зеркало заднего вида, уверенная, что Иоанн будет ее преследовать.

И вот за очередным поворотом она увидела перекресток, а на нем – два пикапа и четверых мужчин рядом с ними. Все были вооружены, но издалека Мэри Мэй не могла разглядеть, винтовками или автоматами. Девушка резко нажала на тормоз и остановилась. Она вытащила револьвер и проверила барабан. Здравый смысл требовал развернуться и поехать прочь, но она прекрасно понимала, что в этом случае подведет брата. Отступить сейчас значило предать его, предать все, предать всю семью, предать то, за что так яро боролся отец.

Она включила заднюю передачу, обернулась, перекинув руку через спинку сиденья, и нажала на газ. Шины «Форда» послушно закрутились, и машина двинулась назад по дороге. Поднимаясь сюда, Мэри Мэй успела заметить небольшую проселочную дорогу, отходящую от основного пути, и теперь хотела добраться до нее, пока еще была возможность. Но стоило свернуть на повороте, как она заметила и пикап Иоанна.

Наверное, с ее отцом было то же самое. Мэри Мэй вспомнила, как они его нашли. Вывернутые колеса, разбитое лобовое стекло, огромный грузовик, покореженный и изуродованный. И ни одного свидетеля. Ни одной улики. Никакого намека на то, что случилось. Он был мертв, и она теперь шла по его следам отчаянно стремясь вернуть брата. Ей вспомнились слова Иоанна. То, что он сказал, то, что читалось между строк. Сомнений практически не осталось: смерть ее отца не была несчастным случаем.

Она и не подумала тормозить. До машины Иоанна оставалось совсем немного, когда она, наоборот, вдавила газ в пол, так что двигатель оглушительно взревел, и крутанула руль влево, стоило только заметить вожаденный съезд. «Форд» затрясло на гравии, и теперь она гнала вверх по склону, по-прежнему продолжая движение задом наперед. Шины скрипели, мелкие камушки барабанили по бокам и днищу, но одного беглого взгляда в лобовое стекло было достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Иоанн следовал за ней сквозь облако пыли, а дальше по дороге два пикапа тоже снялись с места и бросились в погоню.

Стрелка спидометра перевалила за сорок миль в час, а Мэри Мэй так и продолжала двигаться задним ходом. На узкой дороге не стоило и думать о том, чтобы развернуться. Нога на педали, рука на спинке, взгляд на дороге – все сейчас зависело только от этого. Гравий закончился, и теперь под колесами простиралась обычная лесная грязь. Периодически машина попадала в яму, и тогда вверх взлетали комья земли и темной жижи, кляксами оседающей на стеклах. В эти моменты задняя часть «Форда» выглядела будто корма лодки, попавшей в бушующий шторм. Грязь постепенно облепляла машину, мешая видеть, что происходит.

В момент столкновения – с камнем ли, с упавшей ли веткой дерева – машина так и ехала с той же скоростью. Этого вполне хватило, чтобы потерять управление. Мэри Мэй нажала на тормоз и вывернула руль, что-то затрещало... машину подбросило в воздух, она тяжело ударила об обочину дороги и отлетела в глубину леса.

I

*Тот, кто поднимет руку на нас, кто попытается сломить нас,
кто дерзнет отвергнуть нас в час нужды... Того рука будет отсечена
столько же легко, сколь умелый фермер срезает сноп спелой пшеницы.
– Отец, «Врата Эдема» Округ Хоуп, Монтана*

Неделей ранее...

Это был гризли. Огромный канадский гризли. Уилла Бойда разбудил раскат грома, и он вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на разгулявшуюся непогоду. Царила ночь, и на севере силуэт скал темной громадой выделялся на фоне чуть более светлых облаков. Оттуда-то и шла гроза. Весь день ее приближение чувствовалось в воздухе, который с каждым часом становился плотнее и тяжелее. Но это ощущение исчезло ровно в тот миг, как хлынул дождь, а небо раскололось, будто лед на замерзшем озере.

В шести-семи милях в сторону предгорий уже стояла стена дождя. Со склона холма Уилл видел, как об нее бьется ветер. Вокруг простирался лес. Красные сосны перемежались канадскими елями, а в ложбинке между холмами у опушки то и дело вспыхивала молния, освещающая поле тонконога.

За последние двенадцать лет Уилл бесчисленное число раз ходил через это поле. Он в мельчайших подробностях помнил, как оно выглядит весной, все усыпанное лиловыми колокольчиками и голубыми звездочками льна. Летом поле становилось золотисто-зеленым, а к осени – темно-коричневым. Наконец, зимой его засыпал снег, и по полгода поле выглядело как белоснежная пустыня. Уилл ходил через него и в лютый мороз, и под палящим солнцем – от домика, где ему позволили жить, до церковных земель, за которыми он должен был приглядывать. Иногда по пути можно было заметить лося или оленя. Порой мимо пролетал ястреб или же в небесах, широко раскинув крылья, парил орел.

Вот и сейчас Уилл стоял над своим полем, кутаясь в прихваченное из дома шерстяное одеяло, и просто наблюдал, как ветер гоняет потоки дождя между горными отрогами, будто играя льющейся с неба водой как чем-то цельным и осязаемым. Первый раскат грома стал причиной его пробуждения, и вот теперь он стоял здесь, глядя на далекие горы. Вновь сверкнула молния, а затем послышался рокот. Окружающие горы и холмы на миг окрасились белым и голубым. Уилл плотнее запахнул одеяло и сделал небольшой шаг вперед. Его словно влекла далекая вспышка. Молния вновь прорезала небо, меняя направление и разветвляясь. Теперь ее можно было увидеть, даже закрыв глаза, как будто электрический разряд отпечатался на самой сетчатке.

В этот момент Уилл заметил оленя. Это был молодой сильный самец, только начавший отращивать рога. Когда молния в очередной раз осветила поле, он был уже в его центре. Резкий яркий свет запечатлел сильное тело, подогнутые передние копыта и мощные задние ноги, вытянутые после толчка. Олень будто парил над травой. Но стоило свету погаснуть, как он исчез из поля зрения. Гром прокатился по небу тяжелым раскатом, а дождь стал ощутимо ближе. Подножье холма уже было не разглядеть за его пеленой.

Уилл вновь невольно сдвинулся вперед, пытаясь разглядеть оленя, и стоило отчаяться в этой затее, как тот показался сам, продолжая свой стремительный полет.

А затем Уилл увидел медведя – мощного гризли, настоящую гору мышц, которые бугрились под плотной бурой шкурой. Уши зверя были плотно прижаты к голове, и он несся через поле быстро и целеустремленно. Картина, открывшаяся при очередной вспышке молнии, была вполне достойна какого-нибудь музея – так грозен и огромен был зверь.

Но молния погасла, гром утих, а гризли остался на поле. До него долетели первые капли дождя, и медведь принялся, повернув морду в сторону далеких деревьев и неуклонно приближающейся стихии. А еще мгновение спустя он поднялся на задние лапы и повернулся в сторону дождя. Уилл не мог поверить своим глазам. Зверь был огромен. Он напоминал о древних чудовищах, полулюдях-полумонстрах, что в давние времена властвовали на Земле.

Медведь продолжал стоять, будто дожидаясь, что ветер подгонит дождь прямо к нему, и стихия не стала его разочаровывать. Плотный поток воды одно за другим поглотил горы, предгорья, лес, а следом исчезло вообще все. Когда дошел черед до гризли, казалось, что его и не было вовсе. Уилл не сразу мог сдвинуться с места, наблюдая, как дождь теперь направляется к нему. Прошло совсем немного времени, а вокруг остались только вода, ветер и обломанные ветки. Ни поля, ни леса не было больше видно. Одежда начала жадно впитывать воду, и это заставило Уилла очнуться. Он быстро вернулся в домик и захлопнул за собой дверь.

Лишь час спустя, когда стук дождя по жестяной крыше немного утих, а стекла перестали звенеть от порывов ветра, Уилл вновь распахнул дверь и уставился в ночь. На небо вернулась Луна, и большие капли на длинных травинках отливали серебром. Вдали мерно мигали навигационные огни пролетающего самолета – как будто пришельца из какого-то другого мира.

Прошло три дня, прежде чем Уилл вновь наткнулся на следы гризли.

Первым признаком присутствия гризли стал след в грязи, который Уилл обнаружил у ручья в миле к востоку от своего дома. Он долго простоял рядом, рассматривая четкий отпечаток, а затем поднял взгляд и внимательно изучил заросли на противоположном берегу – густые, зеленые, практически непроницаемые.

Обычно он выходил к ручью ниже по течению у знакомой звериной тропы и там не видел ни одного признака присутствия медведя. В этом районе он расставлял ловушки, часть своего времени посвящая церкви, а часть – дикой природе. Три недели в месяц он проводил на охоте, а одну – во «Вратах Эдема». За минувшие с первого появления гризли три дня Уилл точно бы заметил хоть что-то: клочок шерсти, помет, следы когтей на земле или на коре сосен. Но ничего подобного не было.

В свои шестьдесят два года Уилл никогда не встречал медведя такого размера. Интересно, как его вообще занесло в долину? Впрочем, миграция животных не была чем-то необычным. Они во множестве снимались с насиженных мест, спасаясь от охотников или просто от людей, осваивающих долину. Уиллу приходилось забираться все дальше и дальше в поисках привычной дичи: оленей, лосей, индеек, бобров или кроликов.

Несмотря на возраст, Уилл был еще весьма силен. Ежедневные хождения вверх и вниз по холмам укрепляли его тело, и кожа на лице, не скрытая густой бородой или большими полями засаленной старой шляпы, была темной от загара. Сейчас он полностью погрузился в изучение местности. Цепкий взгляд обшаривал лес от высоких стволов до бурелома вдоль ручья. Ничего не заметив, Уилл вновь уставился на отпечаток в грязи. Подумав, он опустил на колени и приложил растопыренную пятерню к следу, второй рукой аккуратно придерживая старенький «Ремингтон».

Отпечаток был больше его руки минимум на дюйм во все стороны. Уилл прикинул, что это, должно быть, правая передняя лапа. На месте пальцев виднелись глубокие метки от когтей, уходящие в почву на пару дюймов.

Уилл вновь выпрямился и двинулся вдоль ручья в направлении, куда, вероятно, ушел зверь. Через примерно четверть мили он нашел бобровую дамбу. За ней упитанные зверьки плескались в запруде.

Примерно в центре пруда красовалась бобровая хатка. Прямо на глазах Уилла один из зверьков выскочил из воды и принялся лапами и зубами приспособливать очередную ветку к свежей дыре. Даже слепой заметил бы следы медвежьих когтей на старых бревнах.

Других следов гризли обнаружить не удалось. Уилл пошел дальше вдоль ручейка, сбегающего с гор и успокаивающегося по мере того, как местность становилась более пологой. Здесь он расставлял силки на кроликов и, проверив их, обнаружил в трех из шести добычу.

Годы практики научили его сворачивать зверькам головы быстро и без лишней суеты. Его отец, а прежде его дед занимались тем же. Собрав добычу, Уилл вновь насторожил ловушки и вернулся с кроликами к ручью, где принялся свежевать их, промывая тушки в холодной воде, у своего любимого места, где большой плоский камень далеко выдавался в поток.

Уилл бесчисленное число раз купался здесь, стирал одежду и сушил ее на солнце, пока сам голышом плавал в импровизированном бассейне за камнем. Весной и летом загар покрывал его лицо и руки, но остальное тело оставалось молочно-белым и как будто светилось в потоках талой горной воды. Выделялся лишь узел застарелых шрамов на груди, в том месте, где некогда была татуировка.

Сейчас же он опустил на колени около воды и принялся избавлять кроликов от внутренних, пока не остался доволен результатом. В заводи течение было медленнее, и струйки крови расплывались в воде, будто клубы дыма, становясь практически незаметными к моменту, когда попадали в основной поток.

Подняв голову, Уилл увидел медведя. Гризли стоял на опушке и смотрел прямо на него тусклыми черными глазками. Мышцы бугрились на его плечах, мощные лапы упирались в берег, а словно обрубленная морда была повернута в сторону человека. Влажный кончик носа поблескивал, а за когти зацепились клочки травы. Уилл не шевелился. Его винтовка, старый добрый «Ремингтон-700», осталась в пяти футах, на камне вместе с силками, в то время как он сам стоял, сгорбившись, у воды, с тушками кроликов в одной руке и охотничьим ножом в другой.

Он видел, как медведь принюхался, прежде чем повернуться и пройти по берегу до того места, где ручей превращался в заводь. Уилл принялся медленно и осторожно отступать к своим вещам и винтовке. Медведь замер, а потом поднялся на задние лапы и оглушительно заревел, прежде чем подойти к воде. На счастье Уилла, их разделял ручей. Гризли попытался ступить в воду передней лапой, не почувствовал дна и вновь отступил. Его длинные когти нетерпеливо разрывали влажную почву берега. Только глубина заводи и нерешительность удерживали гризли на расстоянии.

Уиллу удалось добраться до вещей. Он перекинул сумку через плечо и поднял винтовку. Медведь оставался на месте, разве что стал принюхиваться чаще. Даже вид оружия его не испугал: гризли лишь зарычал и оскалил желтые клыки. С челюсти капала слюна, а пасть была такого размера, что Уилл не сомневался – зверюга мог без проблем откусить ему голову.

Не отводя взгляда от медведя, Уилл поднял оставшихся кроликов. Он вытер лезвие ножа об их шкуру, сунул клинок в ножны на поясе и вернулся к воде. Там он отделил одну тушку от остальных, размахнулся и швырнул ее через воду на другой берег, где она приземлилась в кустарник в паре футов от гризли.

К тому моменту, как медведь нашел подношение, Уилл уже отступил за камень и в кустарник, который обрамлял ручей с обеих сторон. Как только ветви сомкнулись за его спиной, он оглянулся, а затем прибавил шаг, как можно быстрее удаляясь от воды. Впрочем, лес полнился только привычным журчанием воды. Даже пройдя еще сотню ярдов, постоянно оглядываясь, Уилл так и не услышал ничего нового. Около минуты он простоял на одном месте. Справа донесся крик большеголового сорокопута – птица спорхнула с ветки и полетела меж деревьями к прогалине.

Уилл проследовал за птицей и вскоре уже шел через траву, поминутно оглядываясь на оставшийся позади лес. И только добравшись до домика, уложив кроликов, сняв сумку с плеча и вновь внимательно оглядев территорию вплоть до гор на севере, он позволил себе расслабиться. Но лишь на минуту.

Взяв в руки «Ремингтон», он вновь осмотрел местность через прицел до дальнего края леса, где, как он знал, ручей продолжает свой бег еще около полумили. Ветер трепал верхушки деревьев и венчики тонконога на поле внизу, делая его похожим на огромное золотое озеро.

Даже опустив винтовку, он продолжил рассматривать лес, поле и далекие горы, а затем пробурчал себе под нос: «Если ты его не видишь, еще не значит, что его нет».

Уиллу вспомнился олень, которого он видел во время грозы. Вспомнилась бобровая хатка и огромная дыра в ней. Он знал, что именно ищет медведь. Знал, почему он сюда появился.

Три часа спустя Уилл закончил свежевать кроликов, засолил мясо и убрал его в погреб. Небо темнело, на нем начали появлялись первые звезды, а из-за деревьев поднялась убывающая луна. Поужинав, Уилл продолжил работу. Кроликов и другую дичь, которую удавалось добыть, он отдавал тем, кому было нужнее, тем, на кого он работал, тем, кто подарил ему цель в жизни, когда все остальное рухнуло.

Шкурами он торговал, основную прибыль отдавая в пользу церкви, но кое-что оставлял себе на покупку силков, патронов для винтовки, масла, муки и всего того, что не мог дать ему лес. Он всегда был необыкновенно аккуратен, знал каждый предмет в своем домике и погребе и точно понимал, зачем то или иное ему нужно. Помимо прочего, все на крайний случай было тщательно переписано.

Маленький лагерь и дом, смотрителем которого он стал в первые годы во «Вратах Эдема», легко было окинуть взглядом. В небольшом костре, на котором он недавно готовил себе ужин, до сих пор тлели угли. Ночь окончательно вступила в свои права, и Уилл подошел к костру, чтобы разворошить серый пепел и подбросить свежих веток.

Около часа он просидел рядом с костром, думая о медведе. О том, насколько легко тот мог его сегодня убить.

Два дня спустя, возвращаясь с охоты, Уилл обратил внимание на белый пикап. Вылазка была успешной, и сейчас охотник тащил за собой самодельные волокуши, на которых лежала туша оленя. Потроша ее, уже пришлось изрядно попотеть. К счастью, хотя бы после того, как Уилл соорудил волокуши, связав два тонких ствола осины ветками и прочной бечевкой, транспортировка стала заметно легче. И все равно протащить убитое животное почти две мили было делом непростым.

Уилл остановился и пригляделся к пикапу, а потом внимательно осмотрел прогалину, на которой стоял его дом. Ничего не изменилось, и следов водителя тоже не было видно. Крякнув от усилия, мужчина преодолел последние шаги и опустил свою ношу около остывшего кострища. Рога лежащего на земле оленя напоминали терновый венец, а остекленевшие черные глаза как будто продолжали смотреть на убийцу. Уилл замешкался, не решив, приступать ли сразу к свежеванию или поискать владельца пикапа.

Правда, он успел только снять с плеча винтовку и опустить ее на землю, как из погреба с кроликами наперевес появился Лонни. Неожиданный гость подошел к пикапу, закинул мясо в холодильник и лишь после этого обратил внимание на Уилла.

– Похоже, ты тут времени зря не терял. – Он выразительно глянул на холодильник, а затем направился к охотнику.

На голове Лонни красовалась бейсболка. Он был так же бородат, как и все прочие в церкви. Из-под коротких рукавов футболки по плечам и предплечьям вились две татуированные змеи, чьи головы украшали тыльные стороны его кистей.

– Я ждал тебя завтра. – Уилл будто невзначай окинул взглядом прогалину, прикидывая, приехал Лонни один или нет.

– Кое-что случилось.

– И что именно?

– Кое-что, что заставило меня вспомнить о тебе.

Лонни криво усмехнулся и подошел ближе.

– Небольшая работа, которую ты можешь для нас выполнить.

– Меня устраивает моя нынешняя работа.

Лонни резко изменил направление и остановился так, чтобы видеть тушу оленя. Он со свистом втянул воздух, а потом прицокнул языком:

– Хорош.

– Будет около 75 фунтов чистого мяса, когда я его освежую и вытащу кости.

– Голову сохранишь?

– Планировал сделать чучело.

Лонни вновь пристально посмотрел на него, медленно облизнул верхнюю губу, а потом скривился, очевидно, выковыривая что-то из зубов:

– Это может стать отличным подарком Иоанну или Отцу.

– Я убил его выстрелом в сердце. Мясо должно быть хорошим. Его нужно лишь поднять на крюк и обработать.

– Неплохо у тебя тут все устроено. – Он усмехнулся. – Не думай только, что мы об этом забыли.

Уилл наградил Лонни тяжелым взглядом. Гость был с ним почти одного роста, около шести футов, только более худощавый. Его обвитые татуировками руки походили на переплетение мышц и сухожилий. Уилл слышал, что Лонни хорош в драке, хотя сам ни разу не был этому свидетелем. Поговаривали, что он умеет бить столь же стремительно, как гремучая змея – жалить.

– Мне нужно минут двадцать на то, чтобы ободрать шкуру, а затем еще около часа на разделку. Будешь ждать?

– Просто обдери его и хватит. Во «Вратах Эдема» в досталь тех, кто сможет сделать остальное. И голову сохрани.

Уилл достал флягу и прошел в дом. Опустив емкость в баклагу с водой, он подождал пока все пузырьки воздуха вырвутся на поверхность, потом напился и вновь наполнил флягу под завязку. Когда он вернулся к оленю и Лонни, тот разглядывал винтовку.

– Какой калибр?

– 308.

– Из нее можно убить гризли?

Уилл сделал вид, что не услышал вопроса. Ему совсем не нравилось то, как поворачивался разговор. Лонни вытащил кисет и принялся сворачивать сигарку из табака и папиросной бумаги.

– У нас появилась проблема. И, я думаю, именно тебе под силу ее решить. – Закончив, он сунул самокрутку в зубы. – Хочешь?

Уилл отрицательно мотнул головой, подошел к туше и принялся распутывать бечевку, которой та была связана. Он услышал, как щелкнула зажигалка, а затем потянуло дымом. К тому времени, как он закончил со шнуром и вытянул его из-под оленя, запах был уже повсюду.

– Ты знаешь Кершо?

– Знаю. Они живут в двадцати милях отсюда. – Уилл опустился на колени, вытащил из-за пояса нож и сделал небольшие надрезы на каждой ноге оленя, перерубая сухожилия. После этого он взял крюк и поднял тушу, устраивая ее на распорке перед собой. – Они так и разводят коров?

– Ты бы знал ответ на этот вопрос, если бы был на воскресной проповеди. Ты так редко посещаешь нас. Должно быть, думаешь, что никто не замечает твое отсутствие. Но я замечаю.

И видимо, именно мне стоит сообщить тебе, что церковь кое-что пересмотрела за последние недели.

– Пересмотрела?

– Усовершенствовала. – Лонни затаился, отошел в сторону, разглядывая поле внизу, а затем вернулся на прежнее место. – Я хочу, чтобы ты нашел и убил гризли, который вчера задрал корову.

Уилл прекратил сдирать шкуру с оленя и посмотрел в упор на Лонни:

– Ты просишь, чтобы я пошел против закона.

– А разве ты уже этим не занимаешься? Думаешь, если мы определили тебя на церковные земли, это дает тебе право провередничать?

Уиллу не нравилось, когда с ним так говорили, но в сказанном была и доля правды. Быть может, он слишком привык к хорошей жизни. В любом случае, проблемы с Лонни не были ему нужны.

– Ты что-то задумал?

– И поэтому я здесь.

– Гризли – падальщики, – принялся объяснять охотник. – Они быстро приспосабливаются. Нельзя предсказать их действия. Нельзя их предусмотреть. Они могут охотиться и убивать даже собственный молодняк, если появляется такая необходимость. Они готовы выживать любой ценой. Медведь, которого ты просишь убить, вероятно, просто шел мимо. Он увидел корову, и все. Сейчас он уже может быть очень далеко отсюда.

– А если нет?

– Нас могут посадить за это. Ты же понимаешь?

– То, что происходит на наших землях, касается только нас.

Уилл прикусил щеку. Окровавленный нож замер в его руке, и он обвел взглядом прогалину, на которой стоял дом. Ситуация складывалась безвыходная.

– Когда я был во Вьетнаме, около нашего лагеря объявился тигр. Он охотился на людей и убивал их. Мы все испробовали, чтобы избавиться от него. Но он всегда возвращался. Словно призрак. Его никто не видел. Мы видели следы, видели пятна крови, но никогда – самого зверя.

– Но ты убил его?

– Нет, – мотнул головой Уилл. – Как можно убить того, кого не видишь?

Лонни докурил и швырнул бычок в кострище:

– Хочешь сказать, это какой-то волшебный медведь? Кара Господня или типа того? Отцу бы такое понравилось. Прямо по Писанию.

– Нет, – отрицательно мотнул головой Уилл. – Я хочу сказать, что ни черта не знаю. И что не могу помочь тебе.

– Вот знаешь, Уилл, это совсем не то, что я хотел бы от тебя услышать. – Лонни вытащил небольшую флягу, взболтал содержимое, а затем сделал глоток, все это время ни на секунду не отводя взгляда от охотника. – Хочешь глоточек для храбрости?

– Нет.

Лонни вновь приложился к фляге, а затем присел на одно из бревен около кострища.

– Твоя жизнь может стать намного хуже. Ты слишком много времени проводишь здесь и не видел того, что видел я. Ты не представляешь, что они заставляют нас делать.

– Отец отправил меня сюда.

– Отец решил, что время пришло.

– Это так?

– Он сказал искать знамения. Сказал, что они ясны как божий день. Скверна идет с востока. Ее след тянется по всей стране. Она все ближе. Вот ты передо мной, Уилл, и я вижу, что ты не веруешь так, как веруют те, кто приходит к нам сейчас. Но это изменится. Ты будешь с нами и тоже будешь спасен.

– Смотрю, у тебя запас веры всегда с собой. – Уилл выразительно покосился на флягу в руке Лонни.

– От старых привычек нелегко избавиться.

– Воистину так.

Лонни сделал еще один глоток и задумчиво повернулся в сторону гор. Рой мелких насекомых танцевал в лучах заходящего солнца.

– Что случилось с тигром? – вдруг спросил он.

– Власти в итоге обратились к местным жителям. Те предложили вырыть яму. Враг использовал такие против нас. Жуткая мясорубка. Может, слышал о таких? Яма, в ней острые колья, сверху сетка из веток и маскировка. Дальше дело за силой тяжести. – Уилл вернулся к работе и вспорол шкуру до передних ног, а потом принялся отделять ее ножом от мышц.

– Так вы и разделались с тигром?

– Нет. Он затаился. Задирал не больше одного человека за раз. Он скрывался в джунглях, наблюдал за нами и точно знал, как и когда мы хотим его убить. У нас не было шансов.

– Вот же дерьмо, – Лонни вновь выпил из фляги, – так какого хрена ты мне все это рассказываешь?

– Чтобы ты понял: не всегда можно получить то, что хочешь.

– Я тебе тем же могу ответить. – Лонни хмыкнул, глянул на тушу и поднялся. – Давай же, забрасывай уже тушу в кузов. У меня еще полно дел, прежде чем я попаду к Кершо.

– Тебе его не поймать, – в последний раз предупредил Уилл.

– Ага, но я сделаю все, что я, черт подери, могу. И ты мне поможешь.

Уилл стоял ровно в том месте, где впервые увидел медведя, готовящегося к грозе. Отсюда был виден дом, в котором жил охотник: покатая крыша, жестяная труба... Маленький и неприметный домик на вершине холма выглядел частью леса.

На следующий день после приезда Лонни Уилл добыл трех бобров. Утром он подстрелил их с берега, а затем дождался, пока тушки всплывут на поверхность. Раздевшись, он набрался в запруду и шел по дну, пока не стало слишком глубоко, и пришлось собирать добычу вплавь. Закончив, он вернулся на берег и оглянулся на бобровую хатку. В ней все еще была заметна дыра, проделанная медведем несколько дней назад. Мягкая почва у берега совсем размокла от воды и крови. Здесь же Уилл освежал тушки и перевязывал бобровые струи.

До дома Кершо было около двадцати миль по дороге и почти в два раза меньше напрямую через лес и поля. И вот Уилл стоял в том месте, где был медведь, и пытался думать, чувствовать и видеть мир так, как думал, чувствовал и видел гризли.

Уилл спал, и его мысли пронзали пространство и время, возвращаясь к старым сказкам, которые он слышал ребенком и которые передавались в его семье со времен первых поселенцев. Медведи, что жили тогда, были вдвое крупнее человека. Шахтеры и лесорубы охотились на них и почти истребили. Хозяева ранчо стреляли при любой возможности. А медведи просто искали пропитание. Они делали то, что должны были, чтобы выжить, единственным известным им способом.

Уилл проснулся среди ночи и сел, осматривая прогалину, которую выбрал для ночевки. До земли Кершо было еще около пяти миль. Он разбил лагерь в высокогорье, как только перевалил через хребет: это давало ему определенное преимущество. Пока лучи закатного солнца расплывались по небу, словно оранжевая краска в темно-синей воде, Уилл поужинал горной черникой и вяленным мясом, заготовленным на прошлой охоте. В пятидесяти ярдах на ветке дерева висели бобры. Во время нехитрого ужина охотник наблюдал, как ночной ветерок раскачивает их тушки. Плоские безволосые хвосты ловили потоки воздуха, будто паруса.

Именно на добычу охотник и посмотрел в первую очередь, вырвавшись из оков сна, но нетронутые темные тушки ясно выделялись на фоне посеребренного лунной небом. Уилл закашлялся и сплюнул, а затем в опять наступившей тишине внимательно осмотрел каждое дерево и каждый куст вокруг прогалины, как если бы любой из них мог скрывать неведомую угрозу.

На востоке виднелось бледное красное зарево, как будто солнце готовилось подняться из-за горизонта. Но Уилл знал, что дело не в этом. Он откинул в сторону шерстяное одеяло, поднялся и обулся. Забрав винтовку, он медленно двинулся в сторону зарева через травяные заросли, доходившие ему до колен.

На границе леса он почувствовал запах дыма, а спустя еще сотню ярдов сквозь пятна лунного света и непроглядной тени стали слышны молитвы и песнопения. Через сотню ярдов Уилл оказался на плоской скале, продолжающейся еще на четверть мили в обе стороны от места, где он стоял, и ограничивающей речную долину. Река несла свои непроглядно черные воды у ее подножия, лишь изредка обозначая свое местонахождение отблесками. А за ней был разбит огромный костер. Пламя жадно лизало десятифуттовую поленницу дров и вырывалось вверх еще на двадцать-тридцать футов. Жар долетал до реки и поднимался вверх по скале, закручиваясь в водоворот горячего и холодного воздуха рядом с Уиллом.

Костер широким кругом освещал пространство вокруг, и Уилл мог различить силуэты тех, кто пришел поклониться разрушительной силе огня. Их завораживающее пение разносилось в воздухе, а головы хаотично двигались в танце собственного сочинения. С такого расстояния охотник не мог разобрать слова, они терялись в шуме ветра. Но Уилл уже слышал их прежде и сам знал, хоть и предпочитал не думать об этом. Люди у костра тоже были прихожанами церкви «Врат Эдема». Как и сказал Лонни, они делали то, что хотели, и служили так, как считали нужным. Это была их земля. Так или иначе, но Уилл сам пришел к ним двенадцать лет назад в поисках спасения. И они даровали ему желаемое, превратив в того, кем он был сейчас, – охотника, браконьера, убийцу животных.

Отступив от края и найдя затененное место, Уилл устроился, вскинул винтовку и принялся рассматривать происходящее через прицел. Вокруг костра кружилось и танцевало около сорока человек. На многих были белые церковные одежды. Лица мужчин заросли бородами, а волосы женщин были растрепаны. Уилл внимательно рассматривал не только их самих, но и их движения. Тени их рук и ног в свете костра принимали очертания жутких созданий, то ли людей, то ли чудовищ.

К тому времени, как Уилл рассмотрел всех, люди выстроились в линию от костра к реке, и ему пришлось подобраться ближе к краю. Устроившись на животе, он аккуратно опустил винтовку, следя, чтобы отблеск света в прицеле не выдал его присутствие. Он хотел увидеть Отца. Мужчина за пятьдесят стоял по колено в воде. Выражение его лица было, как всегда, непроницаемым, с равным спокойствием он мог сеять ужас и дарить избавление. Отец тоже был одет в робу, и вода пропитала ее уже до груди, так что ткань подчеркивала рельеф сильного тела. Он читал молитвы, подняв взгляд к небесам, и по одному приглашал прихожан к себе, заставляя их окунаться в воду и удерживая в потоке некоторое время.

Когда своеобразное крещение завершилось, появилась еще одна группа людей, некоторые тоже в робах, но большинство – в обычной одежде. Они двигались единой толпой – дрожащие и испуганные, в окружении мужчин с оружием и мачете, – а уже крещенные прихожане в промокших робах полукругом выстроились у берега, отрезая путь к отступлению. В группе выделялся младший брат Отца Иоанн Сид, вооруженный большим револьвером. Не такой массивный, но явно из той же породы: они оба были бородаты и покрыты татуировками, у обоих был внимательный цепкий взгляд, казалось бы, способный пронзить темноту.

Не опуская пистолет, Иоанн вошел в воду и замер в нескольких футах от Отца. Так они ждали, пока мужчины с винтовками и мачете подтолкнут новых прихожан. После того как новоприбывшие проходили ритуал, они возвращались на берег со своими стражами. Уиллу

приходилось прежде быть свидетелем таких церемоний, но он никогда не видел, чтобы людей принуждали к крещению. Лонни предупреждал его, что многое изменилось. Возможно, не пропусти Уилл столько служб и не ослабей его собственная вера, он не был бы так удивлен происходящим.

Многие на берегу плакали. Уилл видел, как людей трясет от страха, как ужас искажает их лица. Это выглядело как немое кино. Расстояние и шум воды заглушали их плач и протесты.

Разглядывая происходящее в прицел, охотник видел, как людей подтаскивают к воде, как они пытаются сопротивляться, как вырываются из рук надсмотрщиков. Но ни один не смог сбежать, и в итоге все разделили одну судьбу.

Много лет назад Уилл сам был частью такого ритуала, и тогда все было совершенно по-другому. В те времена не было места принуждению. Он видел, как люди открывали свои сердца и как принимали крещение. Он так же стоял на берегу реки в церемониальной робе и был рад стать одним из верующих, отдать свою душу церкви. Но все это было будто бы в другую эпоху и в другой жизни – далекое прошлое для того человека, каким он стал сейчас.

Увидев достаточно, Уилл отполз от края скалы, а затем поднялся и двинулся обратно в лес. Он успел отойти достаточно далеко, когда тишину пререзал выстрел из дробовика. Мужчина бросился обратно и вновь распластался на краю скалы, рассматривая происходящее внизу. Многие внизу сжались от страха. Рядом с ними стояла охрана, далее – первые прихожане. В воде по-прежнему ждали Отец и Иоанн. Уилл не мог понять, кто именно стрелял. Его взгляд метнулся ниже по течению реки к месту, где за чередой порогов блеск воды становился неразличим. Возможно, там получилось бы заметить тело.

Но в воде ничего не было, а когда Уилл вновь посмотрел на Отца, тот уже подал знак подвести следующего для крещения. Этого зрелища с охотника оказалось достаточно. Воды реки выглядели непроницаемыми, лишь у порогов вскипая белой пеной. Уилл позволил себе полюбоваться ею, раздумывая о смысле крещения и о том, что вода должна смывать все грехи.

Когда все головы были окроплены, Уилл покинул скалу. Не было необходимости слушать слова Отца и не было смысла наблюдать дольше. Он и так все знал. Он слышал эти слова двенадцать лет назад и повторял про себя сейчас, возвращаясь в свой лагерь: «Мы стоим на краю бездны. Под нами судьба людская. Человечество оцепенело в страхе перед машиной разрушения, которую само и породило. Но не мы. Мы и только мы избраны, чтобы пережить сие бедствие. Мы и только мы – семена возрождения. Мы ангелы, и нам предначертан путь обратно в сад. Мы – Семья. Я – ваш Отец. Вы – мои Дети. Вместе мы пройдем сквозь Врата Эдема».

Когда Уилл поднялся на вершину холма и сверху взглянул на участок Кершо, над полями еще клубился утренний туман. В воздухе аромат травы смешивался с запахом навоза. Вдали за пастбищем над трубой дома поднималась тонкая струйка дыма.

Охотник спустился с холма по посыпанной гравием дорожке вдоль края соснового леса. Отсюда уже можно было рассмотреть впереди амбар. Широкие двери были распахнуты, их нижний край был весь покрыт грязью, а внутри царил тьма. Уилл чувствовал запах коров, но не видел их самих. Он подошел ближе, гадая, как же такое могло случиться. Возможно, медведь вернулся и сейчас наблюдает за ним из темноты, скаля покрытую свежей кровью морду.

Ничего подобного не было. Внутри Уилл увидел лишь сено да ряд стойл, покрытых облупившейся краской. Здесь все пропиталось тяжелым животным духом. Когда охотник вернулся на улицу, он заметил припаркованный на обочине дороги белый пикап, стоящий ближе к лесу, чем к дому. К кузову были прислонены лопата и кайло, на которых висели желтые перчатки из воловьей шкуры, так что вся конструкция напоминала жалкое подобие пугала.

Уилл обернулся. В пятидесяти ярдах у открытой, затянутой сеткой двери на крыльце стоял Лонни, задумчиво почесывая бороду и глядя прямо на него.

К тому времени, как охотник подошел, Лонни уже вытащил кисет из кармана и принялся делать самокрутку. На нем была тонкая, обтягивающая торс хлопковая майка. По всклокоченным волосам и помятому лицу можно было заключить, что он недавно проснулся. Он сплюнул и облизнул губы, а затем вновь воззрился на Уилла, несущего на одном плече винтовку, а на другом бобров.

– Ты здесь ночуешь? – спросил охотник.

– Иногда.

Лонни порылся в кармане и вытащил зажигалку. Он прикурил и медленно затянулся, выпуская первую порцию дыма в легкие. Все это было похоже на хорошо отрепетированный неспешный ритуал. Терпкий дым, свежий воздух и легкий бриз были его неотъемлемыми частями. Запах табака смешался с запахом коров, становясь от этого еще более заметным.

– Что случилось с коровами? – спросил Уилл.

– Съели.

Поверх плеча собеседника Уилл посмотрел внутрь дома, как будто коровы могли быть спрятаны там:

– А Кершо?

– Ушли.

– Ушли?

Лонни криво усмехнулся, а затем смачно сплюнул прямо на крыльцо.

Уилл оставил бобров на кухне, а сам зашел в ванную, чтобы освежиться. Вернувшись в маленькую прихожую, куда выходили двери всех комнат, он остановился в центре, вытирая ладони о собственную рубашу тем движением, каким водят лезвием ножа по точильному камню.

На другой стороне прихожей находилась дверь, ведущая в спальню. Она была приоткрыта, и Уилл распахнул ее полностью, зайдя внутрь. В центре комнаты располагалась огромная кровать. Она была застелена на двоих, и на подушках виднелись отпечатки двух голов, как если бы ее хозяева только что встали и отправились в поле или же на кухню, чтобы приготовить кофе.

Он вышел из комнаты, прошел дальше по коридору и осмотрел кухню, гостиную, а затем еще две спальни. Он заглядывал в каждую комнату и оставлял двери после себя открытыми. В одной, обклеенной голубыми обоями, он обнаружил висящие под потолком модели самолетов. В другой стены были розовыми, а на шкафу было разложено множество плюшевых игрушек и пластиковых лошадок.

Некоторые упали, но большинство так и застыли в различных позах, как будто с ними совсем недавно играл ребенок.

– Я слышал, что у тебя была дочь. – Лонни тоже зашел в дом и стоял теперь в прихожей, шагах в тридцати от Уилла.

– Слышал?

– Так мне сказали. Когда отправили приглядывать за тобой.

Уилл окинул взглядом розовые обои и полупрозрачные занавески на окнах. У него и правда была дочь. И жена тоже. Настоящая семья. Прежде у него была совсем другая жизнь, и только он сам был виноват в том, что ей пришел конец. И пусть он пришел к Отцу во «Врата Эдема» в поисках прощения, теперь он понимал, что нашел здесь вовсе не его.

На мгновение Уилл прикрыл глаза: сквозь столь знакомое очарование окружающей обстановки ощущался привкус пыли и фальши. Он вновь взглянул прямо на Лонни:

– Что здесь произошло?

– Ты один из нас, Уилл. Но когда ты, Иоанн, Отец или я смотрим на одни и те же вещи, это вовсе не значит, что мы видим одно и то же. – Они вместе шли через поле; на траве, в том месте, где корова погибла в когтях медведя, до сих пор виднелись следы крови. – У каждого есть свое предназначение. Ты живешь вдали и служишь церкви, которая благодарна тебе за это.

– А Кершо? – Уилл до сих пор не мог выбросить из головы как образ опустевших, покинутых комнат, так и то, что было ему сказано.

И уклончивый ответ Лонни не добавил ясности:

– Они тоже исполняют свое предназначение. Как и ты, как и я. Каждый из нас – лишь слуга.

– И каково твое предназначение? – задал очередной вопрос Уилл.

Он остановился и преклонил колени, глядя на поле и мысленно прикидывая путь медведя. Легко можно было представить, как быстро двигается мощное тело, как перекачиваются мускулы под блестящей на солнце шкурой, как разлетается в стороны взрытая длинными когтями земля.

– Я слежу за тем, чтобы Отец и церковь получили то, что должно.

– Теперь это так называется?

– Мы одно сообщество. И как ты прекрасно знаешь, если церковь помогает тебе, она ждет того же в ответ.

– И Кершо платили?

– Пока могли.

– А теперь?

– Их предназначение изменилось.

Уилл поднялся и подошел к забору, огибавшему поле. Разрытая земля и вырванные с корнем ключья травы указывали на место, где прошел медведь.

– Кершо были здесь, когда это случилось?

– Да, но дело было уже почти сделано. Они забили почти всех коров по велению церкви. Их жизни здесь приходил конец.

Уилл внимательно осмотрел окружающий лес, перебирая в памяти все, что увидел. Он думал о медведе и гадал, был ли тот до сих пор поблизости. Быть может, даже наблюдал за ними.

– Я видел Отца прошлой ночью, – наконец проговорил он. – И Иоанна. И крещение в реке.

– Не только Кершо задолжали церкви. Многим была оказана помощь. Многие закладные были оплачены. Многие долги прощены. Они кормились из рук церкви. – Губы Лонни изогнулись в усмешке. – Взамен церковь и Отец лишь просят делать то, что должно: забить корову, вырастить урожай или отдать свою душу «Вратам Эдема».

– Некоторым расстаться с душой сложнее, чем другим.

– А некоторым легче, – рассмеялся Лонни, – но в итоге все заканчивают одинаково.

Уиллу вспомнилась комната девочки. Вспомнилось прошлое. Вспомнилось, как просто было пить рюмку за рюмкой. И какой была другая жизнь. Наконец он проговорил:

– Церковь есть спасение.

– Наконец-то, – откликнулся Лонни. – А я уж начал думать, что ты совсем об этом забыл.

Яму-ловушку вырыли у кромки леса. Корни деревьев были тщательно подрублены, а сверху провал закрывала сетка из тонких веток. Дно ямы было утыкано прочными ветками, заостренными с одного конца и хищно скалящимися в небо. Уилл несколько раз осмотрел все и остался доволен. Он принес из дома тушки бобров, разложил их и освободил бобровые струи от перевязи.

– Тебе кто-то помог? – спросил он между делом, нанизывая животных на тонкую металлическую проволоку.

– Приезжал Иоанн с парнями, – пояснил Лонни. – Они помогли вырыть яму и подготовить колья. Его весьма впечатлила твоя идея.

– Ты рассказал ему про тигра?

– В общих чертах.

– И опустил то, что тигр убил всех, кто пытался на него охотиться?

– Что-то типа того.

Уилл обошел яму по краю, таща за собой проволоку с бобрами. Привязав один конец к массивному дереву, он собирался закрепить второй точно напротив.

– Это сработает? – поинтересовался Лонни.

Уилл смерил его тяжелым взглядом, но мужчина был поглощен разглядыванием проволоки и бобров. Тогда он поднял одну из тушек и сунул ее Лонни хвостом вперед.

– Чувствуешь? – поинтересовался он.

Лонни принялся, а затем поднял недоуменный взгляд:

– Сладко... Прямо как рождественское печенье.

– Ваниль, – пояснил Уилл. – Здесь расположены железы, которые пахнут ванилью и даже на вкус похожи. Раньше охотники широко ими торговали. Сейчас тоже иногда приторговывают. При случае почитай внимательно этикетку на коробке с печеньем. Почти наверняка там найдутся «натуральные ароматизаторы».

– Да ты гонишь.

– Если бы.

– И медведи такое любят?

– Обожают. – Уилл наконец натянул проволоку, и тушки бобров повисли прямо над центром ямы. – Слетаются, будто мухи на дерьмо.

– Будто медведи на бобровые задницы, – хохотнул Лонни.

Спустя час после того, как работа над ловушкой была завершена, мужчины вытащили кресла из столовой дома, устроили их на крыльце и теперь сидели, наблюдая за происходящим в лесу. Лонни курил, то и дело ковыряясь в зубах или сплевывая. Иногда он наклонялся вперед, опираясь локтями на бедра. Зажатая в пальцах сигарета беспокойно подрагивала. Смотрел он в основном в сторону леса, где была приготовлена яма, лишь иногда переводя взгляд на далекие горы. Периодически он дотягивался до винтовки и поднимал прицел к глазам, чтобы изучить открывающуюся панораму еще пристальнее.

– Думаешь, он там? – наконец спросил Лонни, передавая винтовку Уиллу.

– Он там, – откликнулся охотник.

Приклад винтовки хранил тепло чужой ладони. Уилл тоже глянул в прицел, не увидел ничего нового и опустил оружие.

– С чего ты так уверен?

– Он же должен где-то быть?

– Не представляю, как ты можешь так жить. Просто сидеть и ждать, когда что-то произойдет. – Лонни встряхнул головой и поднялся. – Я нашел в запасах Кершо записку с выпивкой. Как насчет скоротать время?

– Ты хоть представляешь, что будет, если Иоанн или Отец застукают тебя за таким нарушением правил?

– У всех есть свои секреты, – хмыкнул Лонни. – У каждого из нас.

Уилл ждал, наблюдая, как Лонни раз за разом прикладывается к бутылке, а потом так и устраивается в своем кресле, что-то бессвязно бормоча себе под нос. Спустя пять минут раздавалось уже лишь сонное сопение.

Постепенно надвигался вечер. Темнело, и лишь немногочисленные насекомые продолжали кружить в последних лучах солнца, в то время как остальные уже разлетелись по своим более важным делам. Уилл еще некоторое время смотрел на них и на лес, а затем поднялся и прошел в дом, через холл в первую спальню.

Войдя в комнату, он сел на кровать и осмотрелся. Его внимание привлекла женская ночная рубашка, висящая на двери. Она была сшита из тонкого белого материала. Короткие рукава и лиф украшала необычная вышивка. Уилл некоторое время всматривался в нее, как будто там крылся ключ к какой-то важной тайне.

Солнце окончательно село, и комната погрузилась во тьму, в которой угадывались очертания большого шкафа и зеркала. В углу стояло кресло, а на нем – корзина для грязного белья, полная мужских и женских вещей.

Взгляд Уилла вновь вернулся к ночной рубашке. Едва ли он отдавал себе отчет в дальнейших действиях, когда поднялся, подошел к двери и снял рубашку с крючка. У его жены была похожая. Он был уверен, что приучил себя не думать ни о ней, ни о дочери, но сейчас ничего не мог с собой поделать.

Подняв рубашку, он прижался к ней лицом. Ткань пахла лавандой, пылью и чем-то похожим на крем от загара. Уилл вернулся к постели и аккуратно положил ее на должное место. Обойдя кровать, он присел на край, мысленно укоряя себя за это безумие, но потом все же вытянулся поверх покрывала. Если бы Иоанн или Отец увидели его сейчас, то поняли бы, что он вовсе не обрел обещанного спасения, как сам некогда утверждал. Тревоги прошлого по-прежнему грызли его душу, и ни церковь, ни Отец не смогли от них избавить.

Когда Уилл проснулся на рассвете, рубашка все еще лежала рядом. Протянув руку, он провел ладонью по мягкой ткани, позволив себе на мгновение представить, что под ней плоть и кровь. Ему вновь вспомнилась женщина, которая была его женой, и жизнь, что он некогда вел. Веки закрылись сами собой. Через мгновение Уилл услышал звук, который можно было бы принять за лай щенка. Но охотник безошибочно узнал медведя.

Лонни так и спал на крыльце. Бутылка выпала из его руки, как раз когда Уилл вышел из дома. Винтовка стояла на прежнем месте. Уилл поднял ее, вскинул к плечу и принялся рассматривать кромку леса в прицел. С проволоки исчез один бобер, а ветки, закрывающие ловушку, были разворочены.

Уилл перехватил винтовку, оттянул затвор, проверяя, на месте ли пуля, снял с предохранителя и быстро вернулся в комнату за патронами и своими вещами. Собрав все, он вышел на залитое рассветным солнцем крыльцо и на всякий случай еще раз осмотрел край леса через прицел винтовки. Ничего не изменилось. Одной тушки все так же не хватало, а ветки были беспорядочно разбросаны.

Звук повторился вновь, и Уилл больше не сомневался, что это не тот огромный гризли, которого он видел во время дождя. Да, это точно был не он. Охотник спустился с крыльца и со всей доступной скоростью и аккуратностью пересек поле в направлении ловушки.

В яму попала медведица, и Уиллу хватило одного взгляда, чтобы понять, почему гигантский гризли спустился с гор в долину. Он был голоден и следовал за самкой и ее детенышем. Медвежонка не было видно, но охотник не сомневался, что тот где-то поблизости. Вокруг было совершенно тихо. Малыш мог сбежать, но скорее всего, просто прятался рядом с ямой, где лежал труп его матери. Сверху можно было видеть колья, пробившие бурую шкуру. Светлая древесина покраснела от крови.

Уилл прошел по краю ямы, пока не увидел в грязи следы. Рядом с теми, что принадлежали медведице, просматривались более мелкие отпечатки лап ее детеныша в том месте, где он метался по краю ямы, пытаясь дозваться мать. Именно этот звук и разбудил Уилла.

Судя по размеру следов, медвежонку было не больше пары месяцев, а их направление подсказало, что он выбрался с поля и направился к дороге.

Уилл прошел немного по следу, но затем вернулся, чтобы забрать оставшихся на проволоке бобров, и лишь после этого продолжил путь, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в происходящее вокруг. Он двигался медленно и осторожно – не столько не желая напугать малыша, сколько понимая – на медвежонка охотился не только он, но и огромный гризли.

Заметить место, где медвежонок пересек дорогу, тоже оказалось несложно: цепкие передние и широкие задние лапы заметно разрыли гравий. Уилл тоже перешел на другую сторону и углубился в лес, продолжая идти по следам.

Иногда они терялись на подсохшей земле, иногда проще становилось ориентироваться по примятой траве или клочкам темной шерсти.

Спустя два часа солнце поднялось высоко, в лесу стало душно, а след привел Уилла к зарослям бузины. Он остановился и наконец закинул на плечо винтовку, которую все это время так и нес в руке. Присев на одно колено, охотник коснулся совсем свежего следа медвежонка в грязи. Судя по всему, бузина росла на берегу ручья, которого из-за нее не было видно.

Когда Уилл поднялся, он почти не сомневался, что заметил в кустарнике движение. Даже не думая вновь браться за оружие, он подошел чуть ближе. Отсюда были видны темные мохнатые лапы медвежонка, торчащие из-под веток. Они почти тут же исчезли, но светло-коричневый оттенок летней шубки сложно было с чем-то спутать.

Не отводя взгляда от этого места, Уилл достал одного бобра и швырнул вперед, а затем замер, выжидая. Прошло совсем мало времени и из куста высунулся черный, измазанный грязью нос, а совсем скоро медвежонок уже вгрызся зубами в свежее мясо. Он оттащил тушку обратно к кустам, прижал одной лапой и начал жадно есть, не сводя с Уилла взгляда.

Когда от первого бобра остались только кости, охотник взялся за второго, но в этот раз сначала разделил его на несколько кусков. Первый из них он швырнул прямо медведю, второй – примерно в футе от кустарников. Медвежонок послушно преодолел расстояние до угощения, низко пригибаясь к земле и продолжая смотреть на человека.

– Ты голоден, – едва слышно выдохнул Уилл, но этого оказалось достаточно, чтобы круглые ушки медвежонка повернулись в его сторону.

Пользуясь моментом, охотник достал еще один кусок, но не стал бросать его на землю, а так и продолжил держать в руке. Ему стоило больших трудов сохранить спокойствие, особенно когда медведь действительно начал приближаться. Несмотря на возраст, в животном была уже добрая сотня фунтов, а может, и больше, повадки и стать напоминали о взрослых гризли, а когти на лапах впивались в землю, будто клыки. К тому моменту, как медвежонок забрал мясо из его руки, Уилл задумался, насколько далеко детеныш будет готов следовать за ним.

На месте недавнего кострища остались лишь пепел да несколько головешек. Уилл постоял у воды, а затем вернулся к золе, которую лениво ворошил легкий ветерок. Отсюда были видны берег и место, где накануне толпились прихожане. Он попытался найти то место, где прятался сам, но вариантов оказалось слишком много. Обернувшись, он увидел, что медвежонок рядом играл с одной из обгорелых палок.

Стоило подойти к нему, как детеныш пугался и убегал, но затем возвращался вновь. Прошла еще пара часов, и Уилл привык, что медвежонок иногда исчезал, но всегда появлялся вновь, либо рыская по полю, либо шныряя между стволами сосен, никогда не отдаляясь больше чем на сотню футов.

Преодолев крутой подъем, ведущий от места, где церковники устроили свое кострище, Уилл с некоторым разочарованием обнаружил, что его мохнатый спутник не лезет вслед за ним. Но стоило вернуться на сотню футов, как он увидел, что медвежонок бежит по берегу реки и плещется в воде. Пришлось его позвать, и в итоге детеныш послушался.

Еще через два часа они добрались до холма, на котором стоял дом Уилла. Теперь их скромная процессия растягивалась едва ли на двадцать футов. Стоило выйти на знакомую опушку, как медвежонок замер, как будто натолкнувшись на невидимую, но вполне осязаемую стену. Зверь прошелся взад и вперед, а затем издал низкий лающий звук, привлекая к себе внимание. Уилл вернулся к нему и протянул руку, позволяя медвежонку внимательно обнюхать его ладонь, а затем ткнуться в нее мордой. Он принялся почесывать медвежьей морду, подводя тем самым итог их знакомства друг с другом.

Проснувшись на следующий день, Уилл накормил медвежонка, а затем решил заняться насущными делами. Он собрал силки, закинул винтовку за плечо и нахлобучил на голову шляпу, пряча глаза от восходящего солнца. Охотник спустился с холма и направился через поле, обращая внимание, что детеныш следует за ним, пусть отвлекаясь и периодически останавливаясь, чтобы полакомиться травой. Лишь когда Уилл преодолел полосу деревьев, окаймляющую ручей, медвежонок окончательно пристроился рядом. Вместе они напились родниковой воды, заодно вымыв руки и лапы в потоке.

Многие силки оказались потревожены. Уилл проверял их один за другим, собирая добычу и настораживая ловушки по новой. Дважды вместо силка удавалось найти только пятна крови и клочки шерсти. Медвежонок внимательно обнюхивал землю, поглядывая в сторону поля.

– Это все койоты, – досадливо хмыкнул Уилл.

Он внимательно огляделся в поисках примет, куда могли деться силки. Двигаясь по расширяющейся спирали, он не успокоился, пока не нашел место, куда утащили кроликов. Их легко было опознать по костям и окровавленной шерсти. Да и силки нашлись неподалеку.

За поисками и починкой силков время подошло к полудню, и Уилл отправился обратно через поле тонконога. И вновь медвежонок принялся резвиться в траве. Охотник продолжил путь до своей опушки. Солнце поднялось высоко и теперь светило ему в лицо, так что на траве за Уиллом оставалась длинная и темная тень.

Звук выстрела разорвал воздух. Уилл рухнул на живот, вцепляясь пальцами в землю и корни. В нос ударил запах свежей травы. Прошло почти сорок лет с тех пор, как в него последний раз стреляли. Это было в другой стране и как будто бы даже в другой жизни. Но ощущения не изменились ни на гран, а от прилива адреналина все так же бухало в висках.

Раздался еще один выстрел, и в этот раз целились намного дальше, так что Уилл рискнул приподнять голову, но увидел лишь заросли тонконога и верхушки деревьев. Послышался звук затвора, а потом резко контрастирующие с происходящим смех и мужские голоса. Уилл оперся на локоть и обернулся в направлении, где медвежонок замер, приподнявшись на задние лапы и принюхиваясь.

Вновь послышался хлопок, и теперь охотник заметил, как в стороне от зверя взметнулась пыль в том месте, куда попала пуля. За этим последовали проклятия и очередное передергивание затвора. Медвежонок принялся с любопытством обнюхивать землю и пулю, как будто бы это была какая-то новая игра.

Уилл вновь повернулся в направлении, откуда стреляли, но так никого и не увидел. Впрочем, это не мешало ему слышать. Сомнений не было, они пытались убить медвежонка. До дома было слишком далеко. Солнце спустилось к горизонту, и косые лучи били в глаза.

Охотник сел, уверившись, что не он был мишенью, скинул собственную винтовку с плеча и снял ее с предохранителя. Своим первым выстрелом он выбил фонтанчик камешков и комков грязи прямо перед носом медвежонка, и тот, как будто не веря в такое предательство, уставился точно в то место на склоне, где сидел мужчина. Уилл сбросил гильзу и зарядил еще один патрон. Пришельцы как раз спускались с холма. Они смеялись, переговаривались и теперь обращались к нему тоже, но он не стал обращать на это внимания. Вновь подняв винтовку, он навел прицел точно на ухо медвежонка, а потом сдвинул его чуть выше и надавил на спусковой крючок. Как они рассчитывал, пуля прошла совсем рядом, а зверь бросился бежать.

Лишь добравшись до дальней роши на другой стороне поля, медвежонок замер и оглянулся. Уилл следил за ним в прицел. Он видел, как зверь принюхался, как он смотрит и на него, и на группу людей, спускающихся по склону холма. Кто-то из них опять выстрелил. Уилл не понял, попала ли пуля в цель, но медвежонок подпрыгнул и мгновенно исчез, как будто его и не бывало. Лесная темнота и заросли кустов скрыли его из виду.

Только теперь Уилл обернулся и увидел, что к нему приближается Иоанн Сид. В руке он держал винтовку, из ее дула шел сизый дымок, обвивавший его руку, будто призрачная змея. С ним было еще несколько мужчин, среди которых шел и Лонни. Все они были вооружены и, подойдя, разошлись в стороны, окружив Уилла, который так и сидел в траве со своим «ремингтоном» на коленях.

– А тебе нравятся опасные игры, – протянул Иоанн. – Я помню, как ты напивался. И то, в каком состоянии ты пришел к нам, моля о помощи. Неужели все осталось по-прежнему, Уилл?

– Нет.

– Я рад это слышать, Уилл. Очень рад слышать. А то мне почти показалось, что ты несколько забылся.

– Что именно показалось?

– Что ты решил подружиться с клыкастым комком шерсти, который мог бы однажды тебя убить.

Уилл перевел взгляд с Иоанна на Лонни, а затем вновь посмотрел на предводителя и спросил, нашли ли они медведя в яме.

– Именно поэтому мы здесь, – ответил Иоанн. – Это была идея Лонни. Он утверждает, что ты можешь выследить кого угодно. Это так?

Уилл вновь посмотрел на Лонни.

– С тех пор как вы отправили меня сюда, я так или иначе охотился и добывал все, что бегают или ползает на четырех ногах. Что именно вам нужно?

– У нас появилась небольшая проблема. И мы хотим, чтобы ты с ней разобрался. Как думаешь, сможешь кое-кого найти?

– Кое-кого?

– Пропавшую девушку.

– Я не детектив, если вы об этом.

– А мне детектив и не нужен. Я спрашиваю, сможешь ли ты выследить ее в лесу и привести к нам?

– Вы просите, чтобы я охотился на человека?

Иоанн улыбнулся:

– Вообще-то это не просьба.

II

Однажды я потерялся в диком краю. И, познав его, я сам стал диким, а вернувшись в мир, учился быть уже не только человеком, но животным, облеченным кровью жертв, дикостью сердца и яростью по отношению к тем, кто посягнет на дикий край, что я теперь зову домом.
– Отец, «Врата Эдема» Округ Хоуп, Монтана

То спускаясь, то просто съезжая по склону, Уилл пробирался вниз, ориентируясь по ободраным листьям и сломанным веткам. До валяющегося на боку пикапа оставалось около 50 футов. Со своего места он мог видеть лишь его колеса и днище, по которому тянулся карданный вал. В руках охотника был рюкзак, а на голове – неизменная шляпа. Никуда не делась и винтовка, с которой он обычно ходил на охоту. Он не выпускал ее из рук, даже когда они ехали сюда и Иоанн делился предположениями, куда могла сбежать девушка и почему.

– Ты же понимаешь, что мы хотим помочь ей?

– Поэтому пытаешься ее найти?

– Именно. Мы хотим спасти ее. Подарить ей новую жизнь, как некогда подарили тебе.

За стеклом пассажирского окна мелькали деревья и овощные посадки. Уилл сжал винтовку чуть крепче. Стоящий у обочины дороги олень проводил машину поворотом грациозной головы. Уилл смотрел на него, пока тот не исчез за изгибом дороги. Он заметил, что кузов пикапа накрывал брезент. Один угол свободно трепался на ветру.

– Что там? – все же спросил охотник.

Иоанн быстро повернул голову, чтобы оценить, что можно было увидеть, а потом ответил:

– Мой старший брат Иаков охотился на волков в горах. Там его снаряжение.

Уилл попытался получше рассмотреть, что скрывает брезент, но это оказалось непросто.

– Ничего необычного, – продолжил Иоанн. – Сначала ловишь одного волка, вешаешь на него жучок и отпускаешь. Таким образом, вместо одной зверюги можно выследить целую стаю. Именно поэтому нам нужно, чтобы ты нашел Мэри Мэй, Уилл. Мы должны помочь ей увидеть, что она – часть чего-то большего. Сделать так, чтобы она поверила, как поверил ты и как поверил я, что мы можем помочь всем в этом округе. Помочь увидеть, насколько они могут быть сильны, если будут вместе.

– Это сработает?

– Ты сам должен знать, ты же охотник, Уилл. Не мне тебе рассказывать, что охотники всегда наилучшим образом используют то, что у них есть.

Даже сейчас Уилл продолжал обдумывать слова Иоанна. Наконец он преодолел последние пятьдесят футов и остановился около передней оси пикапа. Неподалеку, двигаясь намного осторожнее, спускался Лонни. Он удерживал равновесие с помощью тонких веток смородины, кусты которой, судя по всему, как раз и замедлили падение пикапа, не позволив ему проехать еще добрую сотню метров вниз по склону.

Учитывая все, что Уилл успел увидеть, совсем непохоже было на то, что они собираются спасти девушку. Впрочем, он своими глазами видел крещение. Возможно, теперь именно это называли спасением.

Он обошел пикап, оценивая ущерб. По ветровому стеклу бежала сеть трещин, краска была ободрана, а фары разбиты. Уилл легонько надавил на бампер, и машина покачнулась. Большой удачей было то, что она застряла в смородине, а не разбилась о сосны дальше по склону.

Заглянув в кабину, он увидел, что стекло пассажирской двери разлетелось вдребезги. По всему салону валялись обломанные ветки и оборванные листья. А вот следов крови не было. Уилл отошел и вновь осмотрел место падения так, будто видел его впервые.

Когда Лонни наконец спустился, Уилл обратился к нему: – Я знаю эту машину.

– Я и не сомневался.

– И кого мы ищем?

– Девуцу в беде. – Лонни усмехнулся.

– И какая же беда ей грозит?

– Вечные муки. Как и всем прочим.

Уилл наградил спутника тяжелым взглядом, а потом вернулся к пикапу, но на этот раз подошел к его заднему борту:

– Говорите, она отправилась на север?

Лонни подошел к нему. Он тоже нес рюкзак и двигался заметно медленнее, не без труда удерживая равновесие на склоне.

– Она пошла туда, – он указал на небольшую прогалину в подлеске, который вполне мог бы быть звериной тропой, если бы не обломанные ветки на высоте человеческой груди.

– Ее искали?

– Парни шли по следу сколько смогли. Говорят, она превратилась в чертову горную козу, стоило попасть в этот лес.

Уилл поднял голову и посмотрел на два церковных пикапа, оставшихся на вершине склона. Оттуда за ними следил Иоанн.

– Что тебе рассказал Иоанн обо всем этом? – осведомился Уилл.

– Только то, что мы должны найти ее. Сказал, что она возводила на церковь напраслину и пыталась поднять недовольство в городе, чтобы нами заинтересовался шериф.

– А есть чем интересоваться?

В ответ Лонни лишь пожал плечами:

– Ты ведь знаешь ее?

– Знаю. Я учился в школе с отцом Мэри Мэй, когда здесь еще была школа.

– Тогда ты знаешь, как ее найти. – Лонни тоже посмотрел вверх, туда где стоял Иоанн, а потом на Уилла. – Нам надо поторапливаться. Иоанн привез нас сюда не за тем, чтобы мы ласы точили.

Мэри Мэй поднималась вверх по желобу, оставленному сошедшей лавиной, цепляясь за тонкие ветки можжевельника. Она уже некоторое время как вышла из леса и теперь двигалась по открытой местности. Подниматься было непросто. Она запыхалась и явственно чувствовала, как по спине под футболкой стекают капельки пота. Солнце, миновав зенит, все равно припекало, и этот жар особенно заметно контрастировал с металлом револьвера, который девушка заткнула за пояс. Оружие и толстовка с капюшоном – вот и все, что она успела забрать из пикапа, прежде чем сбежала.

Прошло уже практически пять часов, как она потеряла из вида Иоанна и его людей, и теперь карабкалась по скалам, а ее единственным спутником был горный ветерок, пропитанный ароматами камня и талого льда. Он то и дело трепал ее волосы и забирался под тонкую ткань одежды.

Еще у подножия кряжа Мэри Мэй переложила револьвер поудобнее, а затем присела на корточки около протекающего там же ручейка. Она обмыла ледяной водой лицо, провела мокрыми ладонями по волосам и освежила шею, а потом вдоволь напилась. После она выпрямилась и внимательно осмотрелась, пытаясь заметить малейшие признаки преследователей.

К счастью, вокруг не было ни души. Тогда Мэри Мэй устроилась на большом камне и стянула с себя джинсы, чтобы осмотреть огромный бурый синяк, оставшийся от удара о дверцу

машины. Пурпурно-черный кровоподтек украшал ее бедро и поднимался выше, растекаясь по боку. Что касается царапин, то их было вовсе не счесть. Одни она получила во время аварии, другие – пока почти весь день продиралась сквозь заросли.

Одно время она думала, что стоит вернуться к дороге и поискать помощи, но быстро поняла, что Иоанн наверняка будет ждать ее там. Она слишком хорошо помнила, как бежала прочь от перевернувшегося грузовика, подгоняемая голосами погони. Одно было ясно точно – от этих людей помощи она не получит.

Спустя двадцать минут бегства она резко свернула на восток и вскоре спряталась среди раскидистых ветвей большой ели, вырванной из земли и теперь лежащей в окружении грязи и разворошенной почвы. Медленно и как можно осторожнее Мэри Мэй продвигалась вдоль ствола, пока не добралась до корневища. Отсюда можно было видеть Иоанна и его людей. До них было не более сотни футов. Каждый из бородатых и татуированных мужчин нес в руках оружие. Они прочесывали лес в поисках беглянки.

Мэри Мэй застыла на месте, сжав рукоять револьвера. Ей казалось, что ее может выдать даже дыхание, вдруг ставшее оглушительно громким, хотя она сама понимала, что это лишь иллюзия, вызванная страхом.

– Мэри Мэй, – позвал Иоанн, медленно обводя взглядом окружающий лес, – выходи, выходи, где же ты?

Этот призыв звучал почти как песня, и девушка сжалась, когда испытующий взгляд задержался на рухнувшей ели, но затем Иоанн продолжил:

– Никто не причинит тебе вреда. – Мужчина сделал несколько шагов и повернулся, демонстрируя большой «магнум», который держал в руке. Он водил дулом из стороны в сторону, как будто это была удочка в руках рыбака. – Никто не хочет, чтобы все зашло еще дальше.

Мэри Мэй выжидала, и вот Иоанн двинулся прочь. Его люди давно уже ушли вперед, и только он все еще продолжал медлить. Высокие деревья обступали его со всех сторон, и тени сгустились:

– Выходи, и мы отвезем тебя к брату. Прямо во «Врата Эдема». Мы будем друзьями. Мы будем одной большой счастливой семьей. Ты. Твой брат. Я. Все мы. Все те, кто внимает словам Отца.

Девушка продолжила наблюдать за ним, пока он не скрылся из виду, а затем опять двинулась вдоль ствола, чтобы посмотреть, куда направляются преследователи. Вдруг Иоанн обернулся. В этот момент Мэри Мэй пришлось так резко рухнуть на землю, что она вжалась лицом в прелую хвою. Когда же она рискнула поднять голову, то увидела, что мужчина уже в ста футах впереди и продолжает удаляться. Она оставалась на месте, пока преследователи не скрылись окончательно, а затем побежала.

И вот спустя несколько часов она позволила себе отдохнуть около ручья, а еще через час принялась карабкаться по следу лавины, и только ветки можжевельника предохраняли ее от падения. Забравшись на открытую всем ветрам вершину, Мэри Мэй огляделась. С другой стороны кряжа скалы резко обрывались, и пропасть уходила вниз футов на триста.

Она забиралась сюда в надежде, что сможет определить направление, но увидела вокруг лишь леса, холмы и горы, уступающие место другим горам. Где-то там был ее брат.

О местонахождении «Врат Эдема» она знала точно лишь одно – поселение находится где-то на берегу озера. Тысячи лет назад по здешним местам прошел ледник, оставив за собой глубокий провал, наполненный талой сине-зеленой водой и обрамленный горами и холмами. И до этого места было очень далеко. Она долго вглядывалась в то направление, где, по ее представлениям, должны были быть «Врата Эдема», тщательно исследовала взглядом каждую милю открывающегося ландшафта от кряжа, на котором находилась, до речной долины далеко внизу.

В двух-трех милях от того места, где она стояла, Мэри Мэй заметила на противоположном склоне белые точки пасущихся животных. Сначала она приняла их за горных козлов, но потом убедилась, что это были овцы. Кроме того, она заметила человека, который вышел из леса, чтобы проверить стадо, а потом вернулся под сень деревьев.

Около пяти минут она стояла и взвешивала варианты, но потом двинулась вдоль хребта, пока не нашла очередной пологий склон, по которому принялась спускаться вниз, в речную долину.

Уилл задержался в нескольких футах от поваленной ели и торчащих из земли корней. Он медленно двигался по кругу, внимательно изучая местность на каждом шагу, и читал по следам, как девушка присела на одно колено, как, насколько можно было судить по давлению, она пряталась за стволом и как высунулась, чтобы посмотреть на своих преследователей.

– Что она говорила? – задал он вопрос.

Стоящий в стороне Лонни обернулся к нему, и Уилл знаком дал ему разрешение подойти.

– Что она говорила людям в городе? Что заставило ее прийти сюда?

– Разный бред, – ответил Лонни. – Что мы убийцы. Что мы многое скрываем и утаиваем.

– А это бред?

Лонни внимательно посмотрел на него и вздернул уголок губ в подобии улыбки, а затем оглянулся, как будто Иоанн мог быть рядом:

– Мы не делали ничего, в чем не было бы необходимости. Ты же видел крещение.

– Видел, но я что-то не припоминаю, чтобы оно проходило так, когда братья впервые пришли сюда из Джорджии.

– Отец решил проредить стадо. Он хочет отделить сильных от слабых.

– И к каким относится Мэри Мэй?

– Ты ж знаком с ней? Вот ты и скажи.

– Я был с ней знаком, – поправил Уилл. – Но это было очень давно. До того, как я пришел к «Вратам Эдема». Я и семью ее знал. И видел ее брата Дрю во «Вратах», но едва ли перекинулся с ним парой слов с тех пор, как он к нам присоединился. Меня не было на его крещении, и я не знаю его истории. Ребенком он души не чаял в своем отце Гэри. Он таскался за ним будто хвостик. Но Гэри никогда не нравились «Врата Эдема», так что, судя по всему, Дрю изменился.

– Ну, – пожал плечами Лонни, – все меняется. Даже с тех пор, как я здесь появился, многое изменилось. С тех пор, как Иоанн позвал меня сюда, посулив тишь и благодать.

– А оказалось все по-другому?

– По-твоему, это похоже на тишь и благодать? – Лонни осмотрелся, а затем отрешенно уставился на поваленную ель. – Сколько времени потребуется, чтобы ее выследить?

– Я сделаю все как можно быстрее. Но я не гарантирую, что мы ее найдем. Она может пройти по речному руслу или перевалить через каменную гряду. В этом случае она не оставит следов. Искать и найти – это разные вещи.

– Так куда она пошла?

Уилл наконец отвел взгляд от ели и повернулся в сторону леса:

– Туда. И, судя по всему, она бежала.

– С чего это ты взял?

– Это видно по расстоянию между следами, – он даже показал куда смотреть, – догнать ее будет нелегко.

– Ой ли?

Уилл не стал отвечать, а просто двинулся вперед, не поднимая глаз от земли. Он шел по ее следу, отмечая места, где она сильнее упиралась пяткой или же больше отталкивалась носком.

В последний раз он видел Мэри Мэй подростком. Впрочем, она была уже достаточно взрослой, чтобы работать в баре. Это было очень давно. Очень много воды утекло с тех пор, как он пришел в церковь, отдал свою душу Отцу и отрекся от всего, что знал прежде.

Мэри Мэй добралась до них под конец ужина. Один поднялся навстречу, чтобы приветствовать ее. Он вышел из-под сени деревьев, где был устроен лагерь и разбит костер. Девушка поздоровалась и остановилась. Солнце уже цеплялось за верхушки деревьев. До наступления ночи оставалось совсем немного. Он ответил на испанском, а затем жестом предложил присоединиться к ним и разделить ужин.

Пастухов было двое: отец и сын-подросток. Именно отец пригласил ее к костру. Они ели разогретые на костре кукурузные лепешки с густой подливой из мяса, фасоли и специй. Кипящий котелок источал незнакомый упоительный аромат, от которого рот Мэри Мэй моментально наполнился слюной. Ей дали лепешки и миску с соусом, и девушка принялась за еду. Хозяева молча наблюдали за ней, и лишь когда с первой лепешкой было покончено, а второй она принялась собирать все остатки подливы, отец что-то сказал сыну, а тот в свою очередь обратился к гостье на английском, спрашивая, что привело ее сюда.

– Я ищу своего брата, – откликнулась Мэри Мэй.

Сын перевел отцу ее ответ, а затем спросил вновь:

– Он потерялся?

– Можно сказать и так.

Овцы паслись выше по склону, и она принялась рассеянно наблюдать за ними, пока солнце окончательно не село. Тогда она вновь повернулась к костру и спросила, не знают ли пастухи как добраться до церкви «Врата Эдема».

– Está buscando por la iglesia?¹ – спросил отец, внимательно глядя на нее. – Es una mala iglesia².

Мэри Мэй перевела взгляд на его сына, ожидая перевода.

– Он говорит, что это плохое место, – объяснил паренек. – Несколько раз они обращались к нашему работодателю. Пытались обратить его в свою веру, заставить отдать овец и примкнуть к ним.

– Они со многими так поступали, – кивнула девушка. – И со мной тоже.

Она наконец расправилась с остатками ужина и сунула последний кусок лепешки в рот.

¹ Что вы ищете в церкви? (исп.)

² Это плохая церковь (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.